

Коленька

Родион Николаевич проснулся около шести часов утра. Привычно выпив кофе, он накинул тёплую куртку прямо на майку и вышел на балкон. Закурив сигарету, он рассматривал просыпающуюся холодным февральским утром неопрятную и заваленную грязным снегом столицу. Родион вспоминал предстоящие мероприятия: морг, кладбище, поминки и слёзы наполнили его глаза. Горечь утраты и почти бессонная ночь, которую он провёл над альбомом с семейными фотографиями, лишили его душевных и физических сил.

Вернувшись обратно в комнату, он подошёл к дивану на котором лежал костюм и чёрная рубашка, купленная женой два дня назад. Родион тяжело взглядом окинул свой 'наряд' и перевёл взгляд на стену, где висела фотография улыбающейся матери, которая была мертва уже на протяжении двух дней. Родион отвернулся от фотографии, вытирая горячие слёзы, как в это мгновение неуместно заголосил мобильный телефон.

- Да слушаю, - ответил Родион.

- Родион Николаевич, привезли совсем плохого ребёночка, - возбуждённо говорила дежурная сестра. - Похоже на менингит.

- Почему его в инфекцию не положили? Нина! Зачем вы приняли его!? - резко ответил Родион. - Кто дал такое указание?

- Аркадий Степанович приказал, что я могла сделать... он же главврач, - оправдывалась Нина.

- Этот старый идиот уже ничего не соображает, - возмущался Родион. - Как можно в ЛОР отделение такого ребёнка положить?

- Я им тоже самое говорила. Мальчишку привезли по «скорой» и сразу после приёмного к нам направили. Это я потом узнала, что Верниковский распорядился...

- Почему в Морозовскую не повезли. Что они к нам-то всех тащат! У нас же в отделении вообще карантин! Что за бред Нина, что там у вас происходит! - возмущался Родион. - С кем он сейчас?

- С мамой. Мамаша его в приёмном отделении истерику закатила, сказала, что вы раньше мальчика смотрели и что вы... в общем, что вы близкие знакомые. Может, его поэтому привезли к нам и Верниковский возражать не стал.

- Как фамилия мамы? - Родион присел на диван, чувствуя усталость и нервное напряжение.

- Ларина, - Нина отвлеклась от беседы, рассматривая запись в журнале. - Мария Ларина...79 года рождения, а мальчик Коля Ларин три года. Родион Николаевич, мальчишка то какой красивенький, Господи...

- Ну, хватит! Нина, давайте без соплей, - Родион замолчал и потёр большим и указательным пальцем брови, пытаясь собраться с мыслями. - Что-нибудь придумаем...

- Вы сегодня будете?

- Нет, - Родион продолжил после паузы. - Я сегодня мать хороню, вы знаете об этом Нина. Зачем спрашивать? У меня одна мать и... могу я её похоронить по-человечески или нет?

- Я знаю... просто, я думала... вы извините меня Родион Николаевич, мы тут как-нибудь справимся. Примите мои соболезнования. Извините ещё раз.

- Нина держите меня в курсе по «этому» ребёнку, - твёрдо ответил Родион. - Да, и самое важное, когда придёт Михалёв, пусть переводит его в инфекцию как хочет. Мы никак не сможем мальчишке помочь и не дай Бог остальные дети... в общем вы понимаете. Я Михалёву ещё позвоню. Всё, пока.

Отложив телефон, Родион взял свои чёрные одеяния в руки и задумался о Марии, но звонить ей не решился. Его охватил невероятный гнев от её поведения в приёмном отделении.

- Что она могла наговорить? - взяв в руки брюки и рубашку, он подошёл к зеркалу и начал одеваться, продолжая шипеть сквозь зубы. - Кончилось всё уже. Сколько можно меня доставать! Три года уже...

Родион на мгновение замер от посетивших его мыслей. Ужас и страх охватили его. Он посмотрел на свой беспомощный вид в зеркале и замер, рассматривая отражающийся портрет матери, которая мечтала о том, чтобы Родион связал свою жизнь с Марией. Отведя, вновь наполнившиеся слезами глаза, Родион откинул голову и глубоко вздохнув, попытался успокоиться и отогнать от себя столь неуместные в данный момент мысли о Марии.

Застегнув последнюю пуговицу на рубашке, он услышал, как дверь в спальную открылась.

- Кто звонил? - тихо спросила заспанная Екатерина, выйдя в комнату.

- Звонила Нина, - сухо ответил Родион, не желая развивать беседу и пытаясь незаметно вытереть слёзы. - Небольшие проблемы в больнице.

- Что-то серьёзное?

- Да нет. Аркаша ко мне в отделение ребёнка с менингитом положил. Совсем уже... - негодовал Родион. - В инфекции все койки продали, а теперь детей девать некуда. Ну ладно, хватит об этом...

Родион обнял беременную супругу и погладил её по животу.

- Малыш, ты точно решила ехать на кладбище? Ты уверена? - Родион вопросительно посмотрел на жену.

- Да, я хочу проститься с ней, - Екатерина взяла Родиона за руку. - Для меня это очень важно, пойми меня. Ты знаешь, что между нами не было понимания и ...

- Зачем сейчас об этом, - Родион перебил Екатерину.

- Вот именно затем, что я не хочу жить с грехом всю жизнь и рожать тебе сына, думая, что я виновата в...

- Катя, хватит об этом. Ты ни в чём не виновата. Маме было шестьдесят пять и такой быстрый инсульт это... возможно это даже к лучшему.

- Что ты говоришь, Родион!

- Катя, ты же сама врач. Не смотри на меня так. Мы оба знаем о чём говорим, - твёрдо ответил Родион. - Что бы мы делали, если бы она осталась жива и без движения? Я, наверное, скажу страшные, греховные слова, но то, что она умерла, не превратившись в растение это... знаешь, это к лучшему. Мне даже кажется, что кто-то просто избавил её и нас от бесконечных страданий, которые мы себе даже представить не можем.

- Она так и не смирилась, что именно я стала твоей женой, а не... сам знаешь, - Екатерина изменилась в лице и решительно продолжила. - В общем, я поеду обязательно.

- Хорошо, в конце концов, на твоём сроке в этой поездке ничего страшного нет. Только прошу тебя, не нервничай зря. - Родион встал на колени перед Катей и, нежно обняв её бёдра, поцеловал в живот. - Ну, ну перестань, если ещё и ты плакать будешь, то я совсем скисну. Я люблю тебя.

- Я тоже люблю тебя Родион, - Катя прижалась к мужу и шмыгнула носом.

Всеми приготовлениями похорон и поминок занималась тётка Родиона Тамара. Её участие облегчило и без того, хлопотные и «тяжелые» дни осунувшегося и разбитого Родиона. Сегодня ему предстояло лишь забрать старшего брата матери Василия

Васильевича, ослабевшего умом старика и привезти на кладбище в нужный час. Заказанный ранее автобус должен был подвезти остальных родственников и друзей, а также забрать Екатерину.

Родион попрощался с женой и отправился к Василию Васильевичу.

- Мария, здравствуй! Что случилось? - спросил Родион, позвонив Марии, сидя в холодном, медленно прогреваемом автомобиле.

- Родион, любимый мой, умоляю тебя, помоги, - хныча, говорила Мария. - Я кое-как прорвалась к тебе в отделение... меня не хотели пускать, но я сказала, что не уйду, пока они не позвонят тебе. Родион у Коли менингит. Родион он может умереть?

- Зачем ты ссылалась на меня? - грубо спросил Родион. - Кто тебе разрешил это делать?

- Родион, я испугалась за Коленьку, - Мария вновь заплакала.

- Нельзя же так подставлять меня! - Родион повысил голос. - Ты вообще головой думаешь или нет? Они, как ты выражаешься, мне не позвонили. Они позвонили главврачу и тот, прикрывая свою жопу, отправил твоего сына ко мне в отделение даже не понимая, какое решение он принял.

- Родион, милый, прости меня, я не хотела. Анатолий ушёл на дежурство, я осталась одна и... Коленька совсем плох, - задыхаясь, продолжала Мария. - Я сейчас смотрю на него, глажу его ручки, а он не реагирует. Родя, приезжай скорей, прошу тебя.

- Я сегодня не могу, я мать хороню.

- Как, Ольга Васильевна умерла? - Мария на мгновение прекратила плач.

- Да, - тихо ответил Родион, закурив сигарету.

- Как же это случилось? Почему ты мне не сказал. Мы же с тобой на той неделе виделись и...

- У неё инсульт. Умерла за два дня, а не говорил... не говорил, так не говорил, что за радостная новость, чтобы я всем рассказывал.

- Родион, я не все. Мне ты мог сказать, все-таки мы много лет были вместе и Ольга Васильевна была мне близким человеком, - Мария продолжила после паузы - Значит, ты сегодня не приедешь?

- Нет... не знаю, не спрашивай меня сейчас об этом.

- Кто же тогда нам с Колей поможет? - дрожащим голосом спросила Мария.

- Почему ты не поехала в Морозовскую!? Тебе же предлагали в «скорой».

- Я хотела... я хотела, что бы ты помог ему... Родион, что ты такое говоришь? Я не понимаю. Неужели я так часто прошу тебя о чём-нибудь? Коля может умереть... Родион, он ведь не умрёт, правда? Родион, умоляю, ответь.

- Зачем надо было говорить всем обо мне. Ты же знаешь, что Катя беременна. Ей могут позвонить и рассказать. Мы же с ней вместе работаем, она же врач из нашей больницы, как ты не понимаешь?

- Прости, я больше не могу говорить, - захлёбываясь слезами, чуть слышно сказала Мария. - Коля, кажется, приходит в себя.

- Послушай меня! - крикнул Родион. - Может у него вообще не менингит. С чего ты взяла. Что ему пункцию, что ли делали в приёмном отделении? Не паникуй!

- Нет, ничего ему не делали: температуру померили и вроде всё, - ответила Мария, держа Коленьку за руку и внимательно слушая Родиона, чувствуя, как в самой глубине сердца зарождалась хрупкая и призрачная надежда.

- Наверняка ещё кровь взяли.

- Да, точно и кровь.

- Ну, вот видишь. Возможно, по признакам менингит, но без нормального анализа никто тебе ничего не скажет, - Родион смягчился и решил несколько успокоить Марию. - Машенька, не волнуйся, результаты полного анализа ликвора в лучшем случае полдня ждать. Чего там дежурный терапевт тебе скажет? Не волнуйся, всё будет хорошо. Через час придёт Михалёв, мой зам - толковый парень, он вас посмотрит. Я тебя цел...

Родион осёкся и не закончил, ставшую привычной за годы встреч фразу. Он замолчал, слушая ответное молчание Марии.

- Я тебе после кладбища позвоню, пока. - Родион закончил разговор и тут же позвонил Нине, которая всё это время стояла рядом со входом в палату и пыталась прислушаться к разговору Марии и Родиона Николаевича - Нина, ты с мамашей этой поговори, дай успокоительного и чаю ей, что ли налей. В общем, ты знаешь, что делать. Как там мальчуган?

- Спит, а она всё ему кудри разглаживает, плачет и на кровати его сидит, - шёпотом ответила Нина. - Я всё сделаю, Родион Николаевич, не волнуйтесь.

Мария смиренно смотрела на Коленьку и вытирала слёзы. Белая, казённая палата воплощала собой абсолютную пустоту, которая теперь овладевала безутешной и беспомощной матерью. Мария внимательно посмотрела на сына, который неподвижно лежал на кровати с закрытыми глазами и прерывисто дышал.

Взяв его руку в свои ладони, она спустилась с кровати на пол и встала на колени, прислонив ослабевшую, горячую и сухую ладонь ребёнка к своим губам, нащёптывая молитву.

«Пресвятая Богородица, возлагаю всю мою надежду... прошу тебя, Мать Божья, прости меня, прости. На Тебя одну уповаю и Тебя одну молю о прощении и помощи... сыну моему Коленьке. Я знаю, что совсем у меня права нет к Тебе обращаться, но молю тебя, спаси его от болезни. Умоляю, спаси его, спаси, - Мария отпустила руку Коленьки и закрыла лицо руками, пытаясь остановить слёзы, подобрать нужные теперь слова и спрятаться от терзающего душу вида больного и умирающего сына. Всклипывая и трясясь всем телом она продолжила молиться как умела и как могла. - Это всё я, я грешила но, он то, он причём. Смилуйся Богородица, прошу тебя. Не оставь меня одну, прошу не оставь. Прости мне мой грех и мою страсть, прости мне мою любовь, прости я не понимала... не знала... оставь Колю со мной, прошу тебя, молю тебя»

Мария посмотрела в потолок, словно небеса разверзлись над ней и 'широким', искренним движением трижды перекрестилась, чуть слышно упоминая Отца, Сына и Святого духа.

В палату вошла Нина и, увидев в каком состоянии находилась Мария, сразу бросилась к ней и, подхватив её под руки, помогла подняться с пола и усадила на свободную койку. Всю сцену заморожено наблюдали несколько проснувшихся мальчишек, сквозь мутное окно в двери, которые разбежались в разные стороны сразу, как только Нина заметила их любопытные рожицы и погрозила им кулаком.

- Да не волнуйтесь вы так, - успокаивала Марию Нина, - сейчас уже врачи придут и осмотрят вашего ребёночка. Возьмём анализы, укольчик сделаем, всё будет хорошо, - Нина посмотрела на Коленьку и прослезилась. - Мы и не таких детишек вытаскивали. Правда.

- Родион... - произнесла Мария и тут же «поправилась». - Родион Николаевич будет?

- Не знаю. У Родиона Николаевича сегодня горе... похороны. В течение часа придёт врач из инфекционного отделения и вас переведут. С менинг... - Нина не договорила до конца и продолжила после незначительной паузы, - вам нельзя оставаться в нашем отделении.

- Как нельзя?

- Это опасно для других детей, понимаете. Вашего малыша необходимо перевести.

- Но, я... - Мария посмотрела через плечо Нины на дверь, где вновь появились любопытные мальчишки и перевела полный слёз взгляд на Колю. - Да, понимаю, конечно, понимаю. Если надо, то переводите.

- Родион Николаевич на этом настаивал, а он знает, что говорит. Как только придёт врач из инфекционного отделения, я сразу его к вам приведу. Не волнуйтесь.

- Ну, если Родион так сказал, значит, так тому и быть, - Мария посмотрела вслед уходящей медсестре и снова взяла в свою руку безжизненную руку Коли и аккуратно поглаживала каждый его пальчик, надеясь почувствовать хоть какое-то движение. – Сыночек, любимый мой, единственный, не бойся. Я рядом с тобой, совсем рядом. Я тебя никому не отдам. Сейчас придёт доктор и мы с тобой пойдём в другую палату: красивую и светлую. А потом, потом приедет папа, он сейчас не может, он занят. Он обязательно приедет и вылечит тебя. Знаешь, какой у тебя папка? От всего от всего вылечит, ты только слушай меня сыночек, слушай, пожалуйста. Любимый мой, единственный мой ангелочек, прошу тебя, не засыпай...

Нина вновь вошла в палату и протянула Марии таблетку и стакан воды.

- Вот выпейте.

- Что это? - безразлично спросила Мария.

- Выпейте, вам легче станет и поспите, - Мария покорно выпила таблетки. - Мария, у вас есть какие-нибудь документы на ребёнка. Может полис или ещё что-нибудь?

- Анатолий, отец Коли, - слёзы прыснули из глаз Марии и она продолжила говорить с большим трудом, - он на дежурстве сейчас, он полицейский... он утром всё привезёт.

- Ну и хорошо, - Нина аккуратным движением попыталась положить Марию. - Вы ложитесь пока, поспите. Не надо ничего снимать, так ложитесь и полежите, а Коленька пока поспит, он ведь тоже устал.

Родион ехал к родственникам, размышляя о Марии. Уже почти забытое чувство, вновь напомнило о себе в самый драматичный для него момент. Он вспоминал их историю: безумную любовь, тяжёлое расставание из-за флирта с Катей, тогда только появившейся в клинике, свою глупую измену, бескомпромиссный и категоричный уход Марии и её поспешное замужество на бывшем однокласснике. Мысль о матери, так ждавшей их брака и всем сердцем мечтавшей о внуке, заставила его остановить на обочине автомобиль. Родион нервно закурил, держа сигарету дрожащими руками. Он повторял только одно слово «Прости». Он не совсем понимал у кого и за что просит это последнее прощение. Родион не знал, кто скажет ему «Прощаю» и уже не верил в то, что будет прощён.

Боль Марии заняла всё его сердце. С ужасом он подумал, что это мог быть их общий с Марией ребёнок, но глубоко вздохнув, Родион только пожалел её и её супруга, который ещё видимо не знал всех подробностей и ещё не приехал в клинику. Через мгновение, вихрь мыслей вернул его к Кате, которая носила под сердцем его родное дитя. Ему захотелось вернуться домой и обнять жену, но времени уже было не так много и скоро должны были состояться похороны.

Время перевалило за полдень. Мария открыла глаза, когда солнце заняло всю палату, тишину в которой нарушали только редкие детские возгласы, доносившиеся из коридора. Мария была в палате одна. Она села на краю своей кровати и непонимающим взглядом рассматривала помятую кровать, где ещё несколько часов назад спал Коленька. Заметив на полу его ботиночки, она подняла их, держа на ладонях то последнее, что напоминало о сыне в данную минуту. Жгучая боль, словно невероятный удар, пронзила её душу. Она резким движением оттянула ворот кофты и завывала, как волчица.

Услышав стоны Марии, Анатолий, сидевший неподвижно в коридоре подошёл к двери палаты. Прислонившись к мутному окну двери, он посмотрел на жену, прижимая одежду Коли к груди. Встретившись взглядами с Марией, он лишь тихо прошептал: «Маша, Коленьки больше нет».

Post Scriptum

- Родион Николаевич, это Михалёв, вы можете говорить? - Родион принял звонок из больницы, неподвижно сидя за поминальным столом.

- Могу.

- Докладываю. - Михалёв говорил самым исполнительным голосом. - В общем, отвезли мальчишку в инфекцию с утра, как вы просили. Стали разбираться и... серозный вирусный менингит. Звонил Верниковский, я ему всё объяснил. Очевидно, что рецидив. Папаша его приехал и рассказал, что неделю назад он сильно болел, но подумали, что простуда и жар снимали обычными средствами. Типичная история, как вы понимаете.

- Где сейчас ребёнок? - дрожащим голосом спросил Родион.

- Ребёнок Николай Анатольевич Ларин 2010 года рождения. Москвич. - Михалёв методично зачитывал свидетельство о рождении Коли, которое вместе со всеми документами впопыхах привёз Анатолий Ларин. - Значит, получается, скончался сегодня в 10.00 утра. Странное какое-то свидетельство...

- Что? - переспросил Родион, наливая свободной рукой водку в стакан.
- Я говорю странное свидетельство. Отец то не вписан. Значит, папаша то не настоящий приезжал.
- Как! Повтори, что ты сказал? - Родион оцепенел.
- Я говорю, что Мария эта Ларина отца ребёнка не вписала в свидетельство, выходит и не папаша ему этот Анатолий... Алло! Алло, Родион Николаевич, алло я вас не слышу! Родион Николаевич с вами всё в порядке...
- Ну, что? - Нина внимательно посмотрела на Михалёва.
- Чёрт его знает, что-то связь разорвалась! - Михалёв посмотрел на телефон. - Нина, да не до нас ему сейчас. Мать схоронил, понимаешь?
- Понимаю, понимаю... да больно мальчишку жалко... - Нина повернулась и пошла в сторону мальчишек, сидящих возле телевизора, - Пусть земля тебе будет пухом, Коленька.
- А чего это вы креститесь, Нина Петровна? - спросил один из ребят с перемотанным ухом. - Бога то нету!

Мальчишки неуместно громко засмеялись разными голосами.

- Я вот те сейчас вколю укол, болтун, будешь знать у меня! А ну быстро все в палату!

Коридор отделения опустел и лишь редкие детские смешки доносились из палат, постепенно затихая и сдаваясь упоительному дневному сну...